

в каком она впервые была опубликована в 1923 г.), «Русские памятники письменности в югославянских литературах XIV—XVI вв.» (издается по автографу 1938 г.) и «Югославянские тексты „Исторической Палеи“ и русские ее тексты» (издается по авторизованной машинописной копии 1935 г.).

Все эти статьи не только расширяют наше представление о русско-югославянских взаимоотношениях до XVI в. включительно, сообщая ряд прочно установленных фактов перехода произведений русской литературы и письменности на славянский юг. Самой тщательностью филологического анализа они предупреждают, насколько осторожным следует быть при установлении исторической связи между русскими и югославянскими списками одного и того же памятника, при определении путей перехода его из одной национальной среды в другую. Далеко не просто разобратся в причинах сосуществования в одном тексте разных языковых слоев, установить хронологическую последовательность их проникновения в памятник и тем самым определить язык начального текста. Большую ценность представляют наблюдения М. Н. Сперанского над лексикой таких переводных произведений, как апокрифическое «Житие Моисея», слова Григория Богослова и толкования на них и особенно «Историческая Палея». Страницы, отведенные этим наблюдениям над словарем переводных памятников, напоминают, как недостаточно еще разработан весьма важный вопрос об особенностях приемов перевода, характерных для югославянской и русской письменности и литературы. Между тем для построения истории стилистики — древнерусской и югославянской — имели бы первостепенное значение наблюдения над способом передачи иноземных оригиналов средствами каждого из славянских языков.

Статьи М. Н. Сперанского заставляют вспомнить об одном серьезном пробеле, затрудняющем построение насыщенной конкретными фактами истории русско-югославянских литературных взаимоотношений: о том, что содержание многих старинных рукописей и русских, и югославянских древлехранилищ еще недостаточно полно раскрыто, а частью они и вовсе научно не описаны. Непосредственное знакомство даже с теми рукописями, которые уже вошли в научные описания, нередко открывает новые факты из истории общения восточных и южных славян. Но эти находки обнаруживаются более или менее случайно, напоминая о необходимости систематического постатейного научного описания всего сохранившегося рукописного материала.

Еще одно обстоятельство затрудняет в настоящее время извлечение необходимого для историка русско-югославянских взаимоотношений материала через описания рукописей. Нередко в них отсутствуют определения языка текстов, так называемых «изводов» для старшего периода, когда особенно часто одни и те же памятники бытовали в русской, болгарской и сербской письменности, и задача исследователя состоит в том, чтобы определить, откуда пошел путь этих памятников по соседним странам. Конечно, прав М. Н. Сперанский (стр. 14—15), когда предупреждает, что даже и внимательное изучение языка югославянских текстов не всегда открывает возможность точно установить, куда раньше пришел данный русский текст — к болгарам или сербам. Однако указание на «извод» в описании значительно облегчило бы и ускорило самый подбор фактов, подлежащих изучению, хотя и не заменило бы непосредственного знакомства с рукописями для дальнейшего исследования всех вопросов, возникающих у историка русско-югославянских литературных связей.